

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ

АКАДЕМИКА

ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА

ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СОДЕРЖАНИЕ

	5
<i>Академик А. Н. Несмеянов.</i> Речь на чествовании академика В. П. Волгина	11
<i>Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин.</i> Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
<i>Библиография трудов академика В. П. Волгина</i>	22
<i>А. В. Кольцов.</i> Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
<hr/>	
<i>С. Л. Утченко.</i> Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
<i>Н. И. Голубцова.</i> Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
<i>Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад.</i> «Средние века» в исторической науке	76
<i>Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская.</i> Идея равенства в учении маздакитов	97
<i>А. И. Неусыхин.</i> Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
<i>Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин.</i> Первое послание Дольчино	122
<i>Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев.</i> Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
<i>М. М. Смирин.</i> К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
<i>Ф. А. Коган-Бернштейн.</i> Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
<i>К. Р. Симон.</i> «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштедта (1630 г.)	171
<i>Академик М. Н. Тихомиров.</i> Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
<i>В. Ф. Семенов.</i> Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
<i>Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский.</i> Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
<i>Б. Ф. Поршинев.</i> Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	213
<i>С. С. Сафонов.</i> Политические и социальные идеи Мабли	238
<i>Б. Г. Кузнецов.</i> Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
<i>Академик А. М. Деборин.</i> Социально-политическая доктрина физиократов	283
<i>В. С. Алексеев-Попов.</i> «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
<i>М. Штранге.</i> Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
<i>Ю. Я. Мошковская.</i> Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
<i>И. С. Миллер.</i> Воззвание Францишка Гожковского	365
<i>Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина.</i> Декабристская «утопия»	376
<i>М. А. Аллатов.</i> Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
<i>Е. Б. Черняк.</i> Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
<i>К. Э. Кирова.</i> Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
<i>Н. А. Ерофеев.</i> Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
<i>В. М. Лавровский.</i> Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бак. Новые заявки о требованиях Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. И. Одерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейдена	483
Л. Е. Зиммерер. Об основе Прудона в журнале в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. И. Маркс. Из писемных материалов парижского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Амбург. Города и Чарльзисты в борьбе петербургского народа за независимость в 1848–1849 гг.	529
С. К. Кук. Новые интересные будущие историографии германской революции 1848–1849 гг.	537
Н. И. Энгельберт. Европейские заявления фурьеистов	548
Час-корр. АН СССР Ф. В. Бончан. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в эпоху первых промышленного переворота (50–60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Желтухин. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848–1850 гг.	601
А. З. Майер. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и И. Г. Чарльзисты	633
Г. Вебер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. Дальян. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории ученого социализма в России)	664
З. К. Эggerl. Даннель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Час-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70–80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

Ревекка Абрамовна Авербух

ГЕРЦЕН И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О БОРЬБЕ ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ в 1848—1849 гг.

*

Борьба венгерского народа за национальную независимость имела большое значение для судеб революционной борьбы, разгоревшейся в 1848 г. Революция в Венгрии была заключительным этапом европейской революции, начавшейся в феврале 1848 г. Основной задачей для Венгрии было ее освобождение от гнета Австрийской империи и образование независимого государства. Осуществление этой задачи требовало в качестве одного из важнейших условий ликвидации феодальных отношений в Венгрии, освобождения крестьян от гнета помещичьей аристократии.

Революционное движение в Венгрии непрерывно нарастало с марта 1848 г., захватывало все более широкие слои венгерской демократии и к 1849 г. создало серьезную угрозу существованию габсбургской монархии. Во главе революционной Венгрии и ее вооруженных сил встал наиболее яркий выразитель национальных интересов Венгрии в ее борьбе против иноземного гнета — Людвиг Кошут. Огромную роль играли вожди крестьянских и рабочих масс Венгрии — поэт Шандор Петефи и публицист Михаил Танчич. Массовое движение переросло в восстание, которое в апреле 1849 г. получило общеевропейское значение и завершилось объявлением известной «Декларации независимости».

«Таким образом,— отмечал Энгельс,— мадьярская война очень скоро потеряла свой вначале чисто национальный характер. И именно благодаря своему национальному, казалось бы, шагу, благодаря объявлению независимости, эта война окончательно приняла европейский характер. Союз с Польшей во имя освобождения обеих стран, союз с немцами во имя революционирования восточной Германии получили определенный характер, солидный фундамент лишь тогда, когда Венгрия отделилась от Австрии и этим провозгласила австрийскую монархию распавшейся. Независимая Венгрия, восстановленная Польша, немецкая Австрия в качестве революционного центра Германии, Ломбардия и Италия, ставшие независимыми сами по себе,— с проведением этих планов была бы разрушена вся восточно-европейская система государств»¹.

Австрийская камарилья оказалась бессильной перед блестящими победами венгерской революции и принуждена была прибегнуть к помощи войск Николая I.

Противоречия, имевшие место в общественном развитии западноевропейских стран, приведшие к революционному взрыву 1848 г., были свойственны в определенной степени не только этим странам, но и России. Вот почему вторжение царских войск в революционную Венгрию вызвало различную реакцию со стороны обоих лагерей, на которые распада-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 291.

лось русское общество. Естественно, что на стороне Николая стояла вся бюрократическая и крепостническая Россия, для которой подавление европейской революции означало торжество самодержавия и незыблемость дворянских привилегий. С другой стороны, те представители русского общества, сочувствие которых было на стороне угнетенных народных масс России, осуждали интервенцию «жандарма Европы». Передовые русские люди ясно осознавали все зло национального угнетения в своем отечестве и разделяли революционные и национально-освободительные идеи 1848 г. Белинский, Герцен, Чернышевский были в то время властителями дум лучшей части русского общества и высоко держали знамя борьбы против самодержавия и крепостничества. Но Белинский умер в 1848 г., не дожив до развязки и подавления европейской революции.

Современниками этих событий явились Герцен и Чернышевский, два крупнейших представителя русской революционной демократии.

А. И. Герцен в 1848 г. находился в Париже. Он был свидетелем всех революционных событий во Франции. Интерес Герцена к этим событиям и его отношение к ним были обусловлены позицией, которую он занимал в русском общественном движении, центральным же вопросом этого движения был вопрос об уничтожении крепостничества, о буржуазной революции.

Обращаясь к этой теме русской истории, Ленин выдвигал важный и серьезный вопрос «...о различии интересов либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской буржуазной революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции»¹. Именно этот вопрос, по определению Ленина, и был поставлен Герценом. И «Колокол», вольный русский журнал, издававшийся Герценом за границей, «встал горой за освобождение крестьян»².

То обстоятельство, что в вопросах русской буржуазной революции Герцен стал выразителем демократической республиканской тенденции, сделало близкими для него цели венгерской революции.

В 50-х годах Герцен жил в Лондоне, встречался с Кошутом и был близок с ним. В работах Герцена отражено его отношение к венгерской революции и к ее вождям, а также к политике самодержавной России, подавлявшей революцию.

В статье «Горные вершины» Герцен вспоминает о встрече с Кошутом и дает его портрет.

«Я застал Кошута,— пишет Герцен,— работающего за большим столом; он был в черной бархатной венгерке и в черной шапочке. Кошут гораздо лучше всех своих портретов и бюстов; в первую молодость он был, вероятно, красавцем... в печально кротком взгляде его сквозил не только сильный ум, но глубоко чувствующее сердце; задумчивая улыбка и несколько восторженная речь окончательно располагали в его пользу.

Говорит он чрезвычайно хорошо, хотя и с резким акцентом, равнозначащимся в его французском языке, немецком и английском. Он не отделяется фразами, не опирается набитые места; он думает с вами, выслушивает и развивает свою мысль почти всегда оригинально... Может, в его манере доводов и возражений виден адвокат, но то, что он говорит, серьезно и обдуманно»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

² Там же.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. 14. Пг., 1920, стр. 180.

Герцен противопоставляет Кошуту, реальному трезвому политику, фанатику революционного восстания — Мадзини, в оценке Герцена недостаточно учитывавшего обстановку того времени в Италии.

«Кошут принес с собой из Венгрии не общее достояние революционной традиции, не апокалиптические формулы социального доктринеризма, а протест своего края, который он глубоко изучил — края нового, неизвестного ни в отношении к его потребностям, ни в отношении к его дико свободным учреждениям, ни в отношении к его средневековым формам. В сравнении со своими товарищами Кошут был специалист». Это был человек, учитывающий реальные возможности осуществления своей программы национального освобождения Венгрии от ига Габсбургов.

В 50-е годы, в тот период, к которому относятся воспоминания Герцена о Кошуте, основным вопросом, над которым задумывались все участники и руководители европейской революции 1848 г., был вопрос о сроках нового революционного подъема, который мог бы принести осуществление их планов и надежд.

«Разговор Кошута со мной... — пишет Герцен, — принял серьезный оборот: в его взгляде и в его словах было больше грустного, нежели светлого; наверно, он не ждал революции завтра. Сведения его об юго-востоке Европы огромны: он удивлял меня, цитируя пункты екатерининских трактатов с Портой. «Какой страшный вред вы сделали нам во время нашего восстания», — сказал он, — «и какой страшный вред вы сделали самим себе. Какая узкая и противославянская политика — поддерживать Австрию. Разумеется, Австрия и «спасибо» не скажет за спасение; разве вы думаете, что она не понимает, что Николай не ей помогал, а вообще деспотической власти?»»¹.

Слова Кошута замечательны по своему глубокому анализу сущности политики Николая I в 1849 г. как политики монархической власти, противоречащей национальным интересам России.

Герцен не только описал свой содержательный разговор с Кошутом, но и отметил гибель всех расчетов Кошута на содействие Англии в деле освобождения Венгрии. «Без сомнения, Кошут приехал в Лондон с более сангвиническими надеждами, да и нельзя не сознаться, что было от чего закружиться голове»², — пишет Герцен, имея в виду торжественную встречу, устроенную Кошуту в Лондоне.

«Мудрено ли, — продолжает Герцен, — что Кошут воротился из Америки полный упований? Но, проживши в Лондоне год-другой и видя, куда и как идет история на материке, и как в самой Англии остывал энтузиазм, Кошут понял, что восстание невозможно и что Англия — плохая союзница революции»³.

В других своих статьях Герцен рассматривает дальнейшую судьбу Венгрии, попрежнему находившейся в полном порабощении Габсбургами. Как истинный революционный демократ, он ненавидел угнетение во всех его формах, в том числе и угнетение национальное, широко применявшееся царским правительством России. Герцену принадлежит одно из наиболее ярких в русской публицистике выражений ненависти к национальному угнетению и протesta по адресу правительства, угнетающих народы.

В 1859 г., во время итало-франко-австрийской войны, когда в лице Италии снова заговорили угнетенные Австрией народы и снова воскресли

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. 14. Пг., 1920, стр. 182.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 183—184

надежды на их освобождение, Герценом была опубликована в «Колоколе» статья «Война». Статья направлена против Габсбургов, их национальной политики, против онемечивания различных народов, подчиненных Австрии. «Немецкие публицисты выдумали для австрийской империи,— пишет Герцен,— всемирно-историческое призвание: оно, видите, именно состоит в *образовании полу-дикого юго-востока Европы*. Но какое значение имеет австрийская цивилизация, и что она сделала, кроме того, что ввела ту же полицию и те же наказания во все страны? Ну, если не в политическом, то в торговом, в экономическом отношении?.. Королевско-имперская цивилизация состоит в постоянном гнете всего народного и в *онемечивании*. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотят вовсе образоваться в немцев. Между ними и немцами лежит та *incompatibilité d'âme* [несходство характеров], по которой разводят мужа с женою. Мы знаем, что значит насильно образовывать, это — одна из гибельнейших идей, в силу которой бездушной дрессировке и фельдфебельской выправке даётся вид благодеяния¹.

Герцен в этой статье защищает идею полного раскрепощения угнетенных национальностей, он перечисляет все преступления австрийской монархии по отношению к угнетенным ею народам. По словам Герцена, злодейские преступления австрийской империи в Чехии бледнеют перед делами протестантской Англии в Ирландии. Австрийские правители вешали, секли, морили в тюрьме, жгли людей, жгли книги, а в итоге — «аристократическая помесь и часть мещан» сделались немцами, а народ остался чешским и как только «палач приподнял свою руку и дал жертве немного отдохнуть», а именно к началу XIX в., появилась целая чешская литература.

Гневно бичует Герцен политику угнетения, проводимую австрийским правительством по отношению к мадьярам. «Но что же приняли, например, от австрийцев мадьяры? — задает вопрос Герцен.— Я в мире не знаю ничего противоположнее немцам, как мадьяры с их полудикой разметристой волей, к которой так идет их отвага, с этой жизнью в лесах, с их бурными независимыми комитетами. Это какое-то кованое племя, до того упругое, что сам Меттерних не мог никогда его сломить»².

Герцен желает поражения австрийской монархии, крушения власти Габсбургов — источника национального и политического угнетения. Политика Николая, спасшего Австрию, вызывает у Герцена, так же как и у Кошути, суровое осуждение. «И когда Венгрия восстало,— пишет Герцен,— Австрия дышала на ладан и совсем перестала бы дышать, если бы не преступная рука Николая. Николай, помогая Австрии, изменил столько же России, сколько Гергей, помогая ему, изменял Венгрии»³.

Не менее характерным выражением идей передовой русской общественности XIX в. служили взгляды Н. Г. Чернышевского.

«Чернышевский был социалистом-утопистом,— писал В. И. Ленин,— который мечтал о переходе к социализму через старую полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. 10. Пг., 1919, стр. 5.

² Там же, стр. 6.

³ Там же.

препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

В своих статьях, посвященных событиям западноевропейской истории, а именно классовой борьбе во Франции в 1815—1848 гг., национально-освободительной борьбе в Италии и Австрии², Чернышевский проявил решительный и последовательный демократизм, глубокое понимание задач и проблем буржуазно-демократических революций, презирательное отношение ко всякого рода соглашательству.

«Дневник» молодого Чернышевского знакомит нас с переживаниями передовых студентов Петербургского университета. Глубоко сочувствуя угнетенному русскому народу, они жадно искали ответа на «проклятые вопросы» русской действительности в революционных событиях 1848 г. Чем больше обострялась классовая борьба, тем глубже вдумывался молодой Чернышевский в тяжелое положение трудящихся классов, тем более уверенно он становился защитником революции. Июньские дни 1848 г. в Париже не поколебали, а укрепили революционное мировоззрение Чернышевского. Они помогли сформироваться его философскому материализму и республиканским убеждениям. Он понял важность разрешения социальной проблемы. «Не в том дело — будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»³.

Чернышевскому и его друзьям становилась все яснее сущность и задача революции 1848 г., его сочувствие было целиком на стороне трудящегося народа. Наоборот, успехи контрреволюции во Франции и в Германии возбуждали в нем огорчение и негодование.

В «Дневнике» Чернышевский отразил свое отношение к венгерской революции и в особенности к политике Николая I. В записях 11 июля 1849 г. он так характеризует свои политические взгляды: «а) Теория — красный республиканец и социалист; более приверженец попрежнему... Луи Блан; если бы мне теперь власть в руки, тотчас провозгласил бы освобождение крестьян, распустил более половины войска, если не сейчас, то весьма скоро, ограничил бы как можно более власть административную и вообще правительственную, особенно мелких лиц (т. е. провинциальных и уездных), как можно более просвещения, учения, школ. Едра ли бы не постарался дать политические права женщинам. б) Практика — друг венгров, желаю поражения там русских и для этого готов был бы многим пожертвовать»⁴. В последней фразе особенно ярко проявляется его отношение к революционной борьбе венгерского народа, а также поражение настроения. Он считал, что поражение России должно облегчить дело свержения самодержавия. Сочувствие к событиям в Венгрии и резко отрицательная позиция по отношению к политике Николая I тесно связывались у Чернышевского со всей концепцией его революционных взглядов.

После получения известий о сдаче венгерским генералом Гергеем прискорбна. Сначала поверил, после несколько не поверил, после снова поверил, теперь более верю, чем нет, что Гергей в самом деле сложил оружие. Должно узнать подробности, как, отчего, что значит»⁵. В данных

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

² В этом отношении показательны следующие статьи Н. Г. Чернышевского: «Июльская монархия» (Полн. собр. соч., т. 6. Пг., 1918, стр. 53—151); «Кавеняк» (Полн. собр. соч., т. 4. Пг., 1918, стр. 1—49); «Предисловие к нынешним австрийским делам» (Полн. собр. соч., т. 8. Пг., 1918, стр. 79—106).

³ Н. Г. Чернышевский. Дневник (Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 110).

⁴ Там же, стр. 297.

⁵ Там же, стр. 307.

высказываниях, как и в других, проявилось горячее сочувствие великого русского демократа к борющейся Венгрии.

К вопросу о борьбе Венгрии за независимость в 1848 г. Чернышевский возвращается и позже, в 60-х годах, когда он, так же как и Герцен, боролся с национальным угнетением и бичевал политику габсбургской монархии в национальном вопросе.

В этих статьях Чернышевский выступает против системы «разделяй и властвуй» габсбургской династии и подчеркивает стремление последней разжигать в своих контрреволюционных целях антагонизм между мадьярами и славянами.

«Меттерниховская система,— пишет Чернышевский,— вооружала венгров на кроатов, а сербов и кроатов на венгров.

Для какой национальности было полезно то, что она поддалась тактике Меттерниха? Много ли выиграли, например, кроаты и австрийские сербы тем, что защищали австрийцев против венгров?»¹

В том же номере журнала «Современник» Н. Г. Чернышевский в политическом обзоре событий отмечал попытки венского двора усилить антагонизм между хорватами и венграми и высказал по этому поводу свои опасения. «Сами по себе кроаты слишком слабы: если они не в союзе с венграми, они в полной зависимости от Вены. Но они воображают, что без помощи венгров получат все, чего желают. И вот кроатский сейм решает, что вопрос об отправлении депутатов на венгерский сейм он отлагает до будущего времени, а сам вступает в переговоры с Веною. Многое может измениться до наступления кризиса: но, судя по началу, надобно опасаться, что будет повторена кроатами ошибка, сделанная ими в 1848 году. Вена будет длить переговоры до последней минуты, чтобы удержать кроатов в разъединении с венграми; когда понадобится помочь кроатов для войны с венграми, Вена обещает кроатам все, чего они хотят — и начнутся те же самые подвиги, какие совершил Еллаич в 1848 году, с тою же наградою в случае победы над венграми»².

Таким образом, и в статьях, относящихся к 60-м годам, проводятся Чернышевским те же идеи, которые его вдохновляли в 1848—1849 гг., а именно горячее сочувствие борьбе Венгрии за независимость. Эти статьи характерны также глубоким пониманием тех препятствий, которые стояли на пути Венгрии к ее освобождению.

Однако не только представители передовой и образованной части русского общества осуждали поход Николая. Он был непопулярен и среди простых русских людей, солдат николаевской армии, находившихся в Венгрии. Обследование военносудных дел, прошедших через полевой аудиториат действующей армии за 1848—1849 гг., дает очень любопытный материал, характеризующий настроение русских солдат во время венгерского похода. Борьба венгерского народа за освобождение оказывала влияние на русское войско. Части царского войска сдавались венграм и даже сражались в их рядах. Рядовой Абсамиков бежит к «мятежным венграм», судится за нахождение с оружием в их рядах и приговаривается к смертной казни³.

Особенно любопытно одно дело, свидетельствующее о популярности венгерского восстания среди населения пограничных областей России. В военносудных делах имеется «дело о поселянах Августовской губернии — Викентии Юшкевиче за намерение отбить конскриптов и, бежав

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 779.

² Там же, т. VIII, стр. 536—537.

³ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Военносудное дело, связка 697, № 111.

с ними за границу, принять участие в венгерском мятеже, Шимоне Мазуратисе за участие в этом преступлении и Казимира Юшкевича за подговор первого к ложному показанию о преступлении¹.

На допросах в сентябре 1849 г. Казимир Юшкевич показал, что, наслушавшись рассказов о борьбе мадьяр, он решил туда бежать, но считал, что не плохо захватить с собой некоторое количество вооруженных людей. Переодевшись в офицерскую форму, он пытался освободить рекрутов и увезти их с собой. Ему удалось раздобыть оружие (семь ружей, два пистолета, три палаша, пушку, порох, патроны и пистоны). Интересно, что Юшкевич высказывал всегда твердую уверенность в том, что у венгерцев ему и его сообщникам будет хорошо. Все они были задержаны, причем во время ареста Казимир Юшкевич оказал вооруженное сопротивление. Военно-полевой суд приговорил их к расстрелу.

Непопулярен был венгерский поход Николая и среди передового офицерства. «Мы пришли помочь австрийцам,— пишет офицер Лихутин,— помогли им, и вдруг наши симпатии оказались, повидимому, на стороне тех, во вред которых мы действовали»². По утверждению Лихутина, симпатия к венгерцам была молчаливым протестом против того, что было исполнено русской армией по приказанию царя.

Полувеком позже, когда на арену революционной борьбы вышел русский рабочий класс, занявший ведущее место в международном революционном движении, сформировалась та реальная и единственная сила, которая способна была свергнуть власть эксплуататоров и установить власть трудящихся. Задолго до русской революции ее вождь В. И. Ленин неоднократно затрагивал вопрос о венгерской революции 1848 г. Он писал: «Царское правительство не только держит наш народ в рабстве,— оно посыпает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 году, когда русские войска подавляли революцию в Венгрии)»³. Говоря о подавлении царскими войсками персидской революции 1908 г., Ленин видит в этом «...повторение в Азии того, что сделала Россия в Европе в 1849 году...», во время похода Николая I в Венгрию⁴. Подчеркивая значение борьбы Маркса за независимость Польши, которая была вместе с тем борьбой «против всесилия и преобладающего реакционного влияния — царизма», Ленин пишет: «Правильность этой точки зрения получила самое наглядное и фактическое подтверждение в 1849 г., когда русское крепостное войско раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии»⁵. И именно Ленин, уже будучи главой Советского правительства в России, так горячо приветствовал попытку венгерского народа взять государственный руль в свои руки.

* * *

В статье «Горные вершины» Герцен вспоминает 1855 г., когда он, Герцен, и Кошут вместе провели месяц на одном из курортов Англии — в Бентноре. Перед разлукой Кошут и Герцен со своими семьями были на детском празднике. «Оба сына Кошути, прекрасные, милые отроки, танцевали,— пишет Герцен,— вместе с моими детьми... Кошут стоял у дверей и

¹ Там же, связка 699, № 141.

² М. Д. Лихутин. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875, стр. 247.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 351—352.

⁴ Там же, т. 15, стр. 204.

⁵ Там же, т. 22, стр. 325.

как-то печально смотрел на них, потом, указывая с улыбкой на моего сына, сказал мне:

— Вот уж и юное поколение совсем готово нам на смену.

— Увидят ли они?

— Я именно об этом и думал. А пока пусть попляшут,— прибавил он и еще грустнее стал смотреть.

Кажется, что и на этот раз мы думали одно и то же.

А увидят ли отцы? И что увидят? Та революционная эра, к которой стремились мы, освещенные догорающим заревом девяностых годов, к которой стремилась либеральная Франция, юная Италия, Мадзини, Ледрю-Роллен, не принадлежит ли уже прошедшему? Эти люди не делаются ли печальными представителями былого, около которых закипают иные вопросы, другая жизнь?.. Звуки церковного колокола тихим утром праздничного дня, литургическое пение и теперь потрясают душу, но веры все же нет»¹.

Кошута и Герцен объединяло в то время сознание несбыточности их надежд и планов. И действительно, отцы не увидели осуществления своих планов, хотя немало сделали для торжества своих идей. Не увидело их и поколение 80—90-х годов. И только когда во главе русской революции встал пролетариат, т. е. единственный класс, до конца заинтересованный в последовательном проведении принципов демократии, эти принципы после победы Октябрьской социалистической революции были воплощены в жизнь.

Сто лет тому назад царское правительство России выступило в позорной роли душителя венгерской революции, и лучшие люди России при всех своих симпатиях к венгерскому народу, боровшемуся за освобождение, не могли оказать ему действенной помощи. Советский Союз выступил в роли освободителя Венгрии от реакционнейшего фашистского режима и не только помог венгерскому народу дойти до конца дела, начатое в 1848 г., но и помог подняться до таких вершин, о которых не могли даже и мечтать деятели революции 1848 г.

Реализован прочный союз венгерского и советского народов, первые камни которого были заложены великой дружбой русских революционеров-демократов и венгерских деятелей 1848—1849 годов.

¹ А. И. Герцен. Горные вершины. (Полн. собр. соч. и писем, т. 14, стр. 185.)

Тематически связанные материалы:

Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

Шпира Д. Четыре судьбы: к истории политической деятельности Сечени, Баттяни, Кошута и Шандора Петефи